УДК 343.8

Обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц как основная задача оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях

Павел Владимирович Тепляшин
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru, SPIN-код: 5627-5059

Аннотация. На основе анализа норм уголовно-исполнительного законодательства и с учетом криминологической теории рутинных действий обосновывается системообразующий и первичный характер такой задачи, как обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц. Показано, что создание защищенной среды является базовым условием для реализации всех иных задач оперативно-розыскной деятельности, включая выявление и предупреждение преступлений. Анализируются внутренние и внешние угрозы личной безопасности участников уголовно-исполнительных отношений, предлагается трехэлементная превентивная модель противодействия им, а также обосновывается целесообразность внедрения риск-ориентированного подхода в оперативно-розыскную работу для упреждающей нейтрализации криминальных рисков и формирования устойчивой оперативной обстановки учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, безопасность осужденных, защита персонала, пенитенциарная среда, превентивная модель, риск-ориентированный подход

Для цитирования: Тепляшин П.В. Обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц как основная задача оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 39–46.

Ensuring the personal safety of convicts, correctional facility personnel and other persons as the main task of operational investigative activities in correctional facilities

Pavel V. Teplyashin
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, SPIN: 5627-5059

Abstract. Based on an analysis of penal legislation and taking into account the criminological theory of routine actions, this paper substantiates the system-forming and primary nature of ensuring the personal safety of inmates, correctional facility personnel, and other individuals. It demonstrates that creating a secure environment is a fundamental condition for the implementation of all other operational investigative tasks, including crime detection and prevention. Internal and external threats to the personal safety of participants in penal relations are analyzed, a three-element preventive model for countering them is proposed, and the feasibility of implementing a risk-based approach in operational investigative work is substantiated for the proactive neutralization of criminal risks and the creation of a stable operational environment in penal institutions of the Russian Federation.

Keywords: operational investigative activities, penal system, inmate safety, personnel protection, penitentiary environment, preventive model, risk-based approach

© Тепляшин П.В., 2026

For citation: Teplyashin P.V. Ensuring the personal safety of convicts, correctional facility personnel and other persons as the main task of operational investigative activities in correctional facilities // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 39–46.

Современная уголовно-исполнительная политика России, как отражено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.[1], эволюционирует от карательной парадигмы в сторону усиления гуманизации, ресоциализации осужденных и обеспечения прав личности. В этом контексте на первый план выходит задача создания безопасной среды как непременного условия достижения целей, закрепленных в ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[2] (УИК РФ), – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Безопасность перестает быть сугубо режимной категорией, трансформируясь в комплексную систему защиты жизни, здоровья, достоинства и законных интересов всех лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или взаимодействующих с ними.

Как верно отмечает А.В. Сенатов, «ведущая роль в обеспечении правопорядка и законности, предупреждения преступлений, обеспечение личной безопасности принадлежит оперативным подразделениям, так как только они, имея гласные и негласные силы и средства, могут выявлять преступные намерения осужденных» [1, с. 160]. Действительно, оперативно-розыскная деятельность (ОРД) обладает особым статусом в системе обеспечения безопасности исправительных учреждений (ИУ). Ее значимость определяется закрытым, во многом конфликтогенным характером пенитенциарной среды, высокой концентрацией лиц с девиантным поведением и постоянным наличием латентных угроз. В этих условиях только ОРД располагает комплексом специальных методов для упреждающего выявления и нейтрализации скрытых рисков, что предопределяет её роль как основного инструмента решения приоритетной задачи. Данная задача прямо сформулирована в п. 1 ст. 84 УИК РФ и заключается в «обеспечении личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц», а также обеспечивается правом осужденных на личную безопасность, что предусмотрено ст. 13 УИК РФ. Фактически речь идет о реализации норм уголовно-исполнительного права в обеспечении безопасности указанных лиц, что является предметом достаточно пристального исследования со стороны ряда авторов [2, 3]. Обозначенные нормы получают свою инструментальную реализацию через Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[3] (далее – ФЗ № 144-ФЗ), который предоставляет правовые основания и конкретные методы для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), направленных на выполнение указанной задачи. Данный вид ОРД охватывается родовой категорией «обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе», под которой допустимо понимать «осуществление (реализацию) комплекса всевозможных мер, направленных на защищенность человека в условиях деятельности ИУ от всевозможных опасностей и самих ИУ, а также минимизации опасностей, исходящих от человека в ИУ и самих ИУ» [4, с. 36]. Представленное определение в целом поддерживается научной общественностью [5; 6, с. 30–32].

[1] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г. с изм от 17 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

[3] Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультанПлюс».

Также следует заметить, что такая задача, как обеспечение личной безопасности осужденных, персонала ИУ и иных лиц, подвергается исследовательской критике, суть которой сводится к тому, что именно выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений должно выступать первичной деятельностью сотрудников уголовного розыска, тогда как обеспечение безопасности не является чем-то основополагающим в их оперативной работе [7, с. 150–151]. Необходимо возразить данной точке зрения и привести ряд следующих доводов. Так, во-первых, данная задача в ст. 84 УИК РФ первой указывается в перечне всех, которые ставятся перед ОРД в пенитенциарном учреждении, поскольку законодатель тем самым подчеркивает ее приоритетный и целеполагающий характер. Безопасность личности является высшей ценностью, и именно ее защита в условиях ограничения свободы становится отправной точкой для всей оперативной деятельности, создавая правовые и фактические рамки для решения всех остальных задач. Во-вторых, стабильная и безопасная оперативная обстановка внутри ИУ является необходимым условием для успешного решения иных задач, закрепленных в ст. 84 УИК РФ. Ведь дестабилизированная оперативная обстановка, характеризующаяся доминированием криминальных норм и перманентной угрозой насилия, создает системные барьеры для реализации основных функций ОРД. Более того, без решения рассматриваемой задачи будут блокироваться ключевые информационные каналы получения оперативных сведений, поскольку потенциальные конфиденты, действуя в условиях принуждения и страха, не будут доводить до оперативных работников ИУ необходимые для решения иных задач сведения. Как результат произойдет так называемая криминализация оперативной среды. Кроме того, без осознания первоочередной задачи в обеспечении личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц сотрудники оперативных подразделений будут преимущественно заниматься незапланированным реагированием на текущие конфликты и инциденты, отвлекаться от выполнения плановых профилактических, аналитических и поисковых мероприятий. В результате ОРД утратит свой упреждающий характер, а ее ресурсы будут расходоваться неэффективно, что создаст препятствия для достижения стратегических целей по выявлению и нейтрализации системных угроз личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц. Таким образом, обеспечение безопасности формирует ту самую «защищенную среду», которая является базисом для продуктивной реализации классических сыскных функций. В-третьих, в ИУ все участники пенитенциарных отношений находятся в условиях принудительного совместного пребывания в замкнутом пространстве. Это создает уникальный и постоянно действующий комплекс взаимосвязанных угроз, предотвращение или нейтрализация которых по своей сложности и важности не уступает, а зачастую и превосходит выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ преступлений и нарушений. Следовательно, обеспечение личной безопасности указанных лиц в деятельности ИУ – это основополагающая и системообразующая задача, от решения которой напрямую зависит сама возможность должного исполнения наказания и поддержания правопорядка в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Итак, относительно рассматриваемой задачи ОРД в ИУ следует отметить два момента. Во-первых, понятие «личной безопасности» в условиях ИУ носит комплексный характер. Это особое правовое состояние защищенности, которое обеспечивается администрацией ИУ с учетом специфики пенитенциарной среды. Такая специфика включает: постоянное пребывание в закрытом коллективе лиц, склонных к правонарушениям; вынужденную зависимость от решений и действий персонала; ограниченную возможность самостоятельно избежать угроз. В этом контексте личная безопасность означает защиту таких благ человека, как жизнь, здоровье, физическая и психическая неприкосновенность, достоинство и законные интересы осужденного, персонала ИУ и иных лиц как от противоправных посягательств со стороны других лиц, отбывающих уголовное наказание в виде

лишения свободы, так и от незаконных или унижающих достоинство действий со стороны самой администрации учреждения (например, в случае коррупционного воздействия). Кроме того, рассматриваемая защищенность охватывает результативное состояние охраны указанных благ от опасного воздействия, происходящих от источников техногенного и природного характера. В этой связи нельзя не согласиться с мнением А.В. Агаркова, который справедливо считает, что «в содержание понятия «обеспечение безопасности», кроме вышеуказанного, следует включать защиту от иных обстоятельств объективного (природного, техногенного) и субъективного характера, представляющих опасность для защищаемых категорий лиц» [8, с. 13].

Во-вторых, акцент в настоящем исследовании делается на анализе личной безопасности осужденных, что обусловлено следующими взаимосвязанными факторами: а) правовое положение осужденного характеризуется особым статусом и вынужденной зависимостью от государства, что возлагает на администрацию ИУ юридическую обязанность по обеспечению их защищенности; б) криминологическая специфика пенитенциарной среды такова, что основными жертвами преступных посягательств становятся именно осужденные. Соответственно, ОРД в местах лишения свободы объективно нацелена на нейтрализацию угроз, исходящих, прежде всего, от этой замкнутой социальной группы; в) уровень безопасности лиц, отбывающих лишение свободы, служит ключевым индикатором и основой общей стабильности пенитенциарного учреждения; г) превентивная сущность оперативно-розыскной работы в исправительных учреждениях заключается в упреждающем выявлении и разобщении криминальных структур, формирующихся внутри среды осуждённых, что делает их безопасность центральным объектом профилактического воздействия.

Более глубокое понимание проблемы личной безопасности осужденных обеспечивается через призму криминологической теории рутинных действий (Routine Activity Theory), разработанную Лоуренсом Коэном (Lawrence Cohen) и Маркусом Фелсоном (Marcus Felson). Суть теории сводится к тому, что преступление (в данном случае – преступное посягательство на личную безопасность) происходит при совпадении трех ключевых элементов: мотивированного правонарушителя, подходящей жертвы и отсутствия действенной защиты. В научных исследованиях активно рассматривается вопрос обеспечения безопасности личности в контексте обозначенной теории [9, 10], что позволяет опереться на соответствующую методологическую базу и сфокусировать анализ на проблемах личной безопасности осужденных. В условиях ИУ эта теоретическая схема отражает превентивную составляющую теории рутинных действий и приобретает особую актуальность, поскольку все три компонента проявляются в концентрированном виде: мотивированные нарушители присутствуют в самой среде осуждённых, их жертвами в первую очередь становятся наиболее уязвимые представители (в частности, свидетели, потерпевшие, «отказники» от криминальной субкультуры) этой же среды, а закрытый характер учреждения изначально создаёт риски ослабления внешнего контроля и защиты.

Соответственно, стратегическая задача ОРД в ИУ заключается в том, чтобы, опираясь на трёхэлементную превентивную модель и реализуя комплекс ОРМ, системно предотвращать совпадение трех ключевых факторов, создающее непосредственную угрозу личной безопасности осужденных, персонала и иных лиц. Реализация этой задачи направлена на создание и поддержание «защищённого пространства» пенитенциарного учреждения, в котором возможность (угроза) совершения преступных посягательств на личную безопасность минимизирована либо полностью устранена.

Продолжая анализировать поставленную проблему, необходимо отметить, что угрозы личной безопасности осужденных в ИУ носят многоуровневый характер и могут быть классифицированы по разным основаниям, одним из которых выступает

источник их возникновения. Первый тип данных угроз является внутренним, поскольку они проистекают из межличностного насилия (на бытовой почве, из-за долгов, субкультурных амбиций, на почве неприязни и т.п.). Соответственно, ОРМ должны основываться на профилактической агентурно-оперативной работе по выявлению зарождающихся конфликтов, установлению лидеров агрессивных группировок и лиц, занимающихся продвижением криминальной субкультуры. Открытый характер статьи позволяет отметить лишь то, что акцент здесь должен делаться на сборе информации посредством агентурных сетей, контроле за «субкультурными» связями осужденных и оперативном наблюдении за «активом». Если говорить о конкретных направлениях, то требуется проведение отдельных контрольно-проверочных действий, например выявление коррупционных связей и неслужебных контактов между сотрудниками и осуждёнными, которые могут быть как причиной, так и следствием преступных злоупотреблений. Кроме того, до настоящего времени не решена проблема существования так называемой «тюремной субкультуры», поскольку система неформальных правил поведения в пенитенциарной среде значительно затрудняет конструктивную ОРД. Фактически противодействие этой системе проявляется в нивелировании неформальных проявлений в среде осужденных. Ключевыми ОРМ здесь выступают оперативное внедрение и наблюдение, позволяющие реализовывать длительный оперативный анализ каналов неформальных связей и статусов осужденных, выявление «смотрящих» и механизмов поддержания «порядка», которые способны дестабилизировать безопасность всего ИУ.

Второй тип рассматриваемых угроз условно может быть отнесен к внешним, а именно к целенаправленному давлению криминальных структур извне. Это давление реализуется в следующих ключевых формах: 1) целевые криминальные указания и «заказы» (например, организация оказания давления на конкретных осуждённых, представляющих угрозу для внешней преступной группировки); 2) организационно-управленческое воздействие (в частности, попытки дистанционного руководства внутренней иерархией и разрешения конфликтов внутри учреждения для поддержания контроля над средой осужденных); 3) материально-техническое обеспечение противоправной деятельности (организация каналов проноса или заброса в учреждение запрещенных предметов и(или) веществ); 4) информационно-психологическое давление, выражающееся в запугивании осуждённых и их родственников с целью обеспечения лояльности, а также в распространении инструкций через адвокатов, родственников или коррумпированные каналы; 5) вербовка и создание агентуры, то есть вовлечение осужденных, сотрудников или иных лиц в деятельность организованных преступных формирований для сбора информации, осуществления контроля или выполнения иных противоправных задач; 6) дестабилизация режима и дискредитация администрации, в том числе путем провоцирования массовых беспорядков или резонансных инцидентов с целью оказания давления на руководство учреждения или отвлечения внимания правоохранительных органов.

Расширяет понимание опасностей, влияющих на пенитенциарную систему, анализ криминального использования катастроф техногенного характера (например, производственные пожары, взрывы, аварии на коммунальных сетях, обрушения конструкций) или чрезвычайных ситуаций природного происхождения (в частности, наводнения, землетрясения, ураганы). Эти факторы представляют собой непосредственную опасность для жизни и здоровья всех находящихся в ИУ лиц, создавая высокие риски массовой гибели, травматизма и дестабилизации режима. Однако в силу ст. 2 ФЗ № 144-ФЗ, прямое реагирование на эти события и их ликвидация не входят в задачи ОРД. Они возложены на соответствующие службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварийно-спасательные формирования и администрацию ИУ в рамках соблюдения требований охраны объектов и гражданской обороны. Вместе с тем ОРД становится критически

необходимой, если существует разумное предположение, что техногенная или природная угроза является не случайной, а целенаправленно созданной в рамках осуществления диверсии или террористического акта либо может быть использована для совершения иных преступлений. В этом контексте угроза переходит из разряда «несчастного случая» или «стихийного бедствия» в категорию криминальной угрозы, выступающей объектом ОРМ. Роль ОРД здесь носит превентивно-аналитический и информационно-обеспечивающий характер для нейтрализации криминальной составляющей такой угрозы. Её деятельность должна сосредоточиться на следующих ключевых направлениях: получение информации о планируемых диверсиях (поджогах, взрывах, умышленных повреждениях систем жизнеобеспечения) с целью дестабилизации обстановки, организации массовых беспорядков, побега или сокрытия иных преступлений; выявление и пресечение попыток проноса или доставки иным способом (например, с использованием беспилотных летательных апппаратов) в ИУ взрывчатых веществ, зажигательных смесей, инструментов для повреждения конструкций; своевременное вскрытие планов использования чрезвычайной ситуации для криминальных целей, включая нападения на осуждённых или персонал, захват заложников или организацию побега.

На основе трёхэлементной превентивной модели, а также с учетом наличия взаимосвязанных внутренних и внешних угроз личной безопасности осужденных, персонала ИУ и иных лиц целесообразно внедрение в деятельность ИУ риск-ориентированной модели ОРД. Данная модель предполагает создание системы оценки индивидуальных и групповых рисков безопасности на основе анализа многоуровневых данных. Это позволит осуществить концептуальный сдвиг ОРД от только лишь фиксирования противоправных фактов к упреждающему оперативному пресечению угроз. Ядро трёхэлементной превентивной модели ОРД составляет целенаправленное воздействие на каждый компонент криминогенной ситуации: 1) в отношении мотивированного нарушителя – упреждающая оперативная разработка лиц, склонных к организации насилия или давления, вскрытие и разобщение криминальных группировок с использованием гласных и негласных методов; 2) в отношении потенциальной жертвы – оперативное выявление и постановка на профилактический учёт наиболее уязвимых категорий осуждённых, организация их скрытой охраны, физической изоляции или перевода в безопасное место; 3) в отношении фактора ослабленного контроля – компенсация «закрытости» учреждения за счёт усиления оперативного проникновения в среду осуждённых, активного использования технических средств оперативного контроля (видеонаблюдение, прослушивание, контроль переписки) и упреждающего перекрытия каналов проникновения внешних угроз.

Внедрение риск-ориентированного подхода обеспечит адресное распределение оперативных ресурсов на основе сформированных криминологических профилей, позволит прогнозировать и блокировать конфликтные сценарии до их реализации и создаст основу для формирования в ИУ устойчивой оперативной обстановки, где возможность совершения преступных посягательств на личную безопасность будет сведена к минимуму.

Таким образом, обеспечение личной безопасности осужденных, персонала и иных лиц не является второстепенной или факультативной функцией ОРД в ИУ, а представляет собой её системообразующую и первичную направленность. Нормативное первоочередное закрепление данной задачи в ст. 84 УИК РФ не случайно, поскольку оно отражает понимание законодателем того, что создание защищённой среды является базовым условием для реализации всех остальных задач ОРД в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Наиболее перспективным направлением совершенствования ОРД в ИУ представляется внедрение риск-ориентированного подхода, основанного на непрерывном анализе многоуровневых данных для оценки индивидуальных и групповых рисков личной безопасности осужденных, персонала ИУ и иных лиц. Этот

подход позволит реализовывать адресное распределение оперативных ресурсов, прогнозирование конфликтогенных сценариев и блокирование соответствующих криминальных угроз (преимущественно на стадии их зарождения) личной безопасности указанных лиц. Подобная трансформация, подкрепленная необходимой технической оснащенностью и межведомственной координацией, является не просто тактическим улучшением ОРД в ИУ, а стратегическим условием для формирования устойчивой, адаптивной и отвечающей современным криминальным вызовам системы безопасности уголовно-исполнительной системы России.

Список источников

1. Сенатов А.В. Некоторые аспекты осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1(46). С. 156–163.

2. Горяинов К.К. Оперативно-розыскная деятельность в обеспечении безопасности в уголовно-исполнительной системе // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. Р.А. Ромашов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 29–38.

3. Жеребцова Е.Н. Обеспечение безопасности в исправительных учреждениях сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в рамках реализации норм уголовно-исполнительного прав // Обеспечение безопасности в учреждениях УИС: сб. статей круглого стола. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2024. С. 73–76.

4. Усеев Р.З. Обеспечение безопасности исправительных учреждений: учеб. пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. 135 с.

5. Василенко С.Н. Повышение эффективности личной безопасности сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 3. С. 8–18.

6. Обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе. Специальная часть / К.В. Каретников [и др.]. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. Т. 2. 113 с.

7. Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П. К вопросу о коллизиях оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и иного законодательства при исполнении лишения свободы: некоторые теоретические аспекты // Военное право. 2025. № 2. С. 148–157.

8. Агарков А.В. Задачи оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе: проблема соотношения оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законодательств // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2024. № 4. С. 12–15.

9. Ганишева П.А. «Группы смерти». Взгляд через призму теории рутинных действий // Право и политика. 2021. № 8. С. 13–25.

10. Моцная Ю.Н., Белоусов М.В. Три компонента преступления или теория рутинных действий // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: материалы межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. С. 107–112.

References

1. Senatov A.V. Nekotorye aspekty osushchestvleniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti v otnoshenii osuzhdennyh zhenshchin, otbyvayushchih nakazanie

v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2021. № 1(46). S. 156–163.

2. Goryainov K.K. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v obespechenii bezopasnosti v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme // Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii / gl. red. R.A. Romashov. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2014. S. 29–38.

3. Zherebcova E.N. Obespechenie bezopasnosti v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah sotrudnikami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost', v ramkah realizacii norm ugolovno-ispolnitel'nogo prav // Obespechenie bezopasnosti v uchrezhdeniyah UIS: sb. statej kruglogo stola. M.: FKU NII FSIN Rossii, 2024. S. 73–76.

4. Useev R.Z. Obespechenie bezopasnosti ispravitel'nyh uchrezhdenij: ucheb. posobie. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2015. 135 s.

5. Vasilenko S.N. Povyshenie effektivnosti lichnoj bezopasnosti sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2023. № 3. S. 8–18.

6. Obespechenie bezopasnosti v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme. Special'naya chast' / K.V. Karetnikov [i dr.]. Novokuzneck: Kuzbasskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2023. T. 2. 113 s.

7. Harchenko S.V., Gir'ko S.I., Skiba A.P. K voprosu o kolliziyah operativno-rozysknogo, ugolovno-ispolnitel'nogo i inogo zakonodatel'stva pri ispolnenii lisheniya svobody: nekotorye teoreticheskie aspekty // Voennoe pravo. 2025. № 2. S. 148–157.

8. Agarkov A.V. Zadachi operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme: problema sootnosheniya operativno-rozysknogo i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stv // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2024. № 4. S. 12–15.

9. Ganisheva P.A. «Gruppy smerti». Vzglyad cherez prizmu teorii rutinnyh dejstvij // Pravo i politika. 2021. № 8. S. 13–25.

10. Mocnaya Yu.N., Belousov M.V. Tri komponenta prestupleniya ili teoriya rutinnyh dejstvij // Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti: materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo, 2021. S. 107–112.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторе
П.В. Тепляшин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (Россия, 660313, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20).

Information about the author
P.V. Teplyashin – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Russia, 660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky st., 20).